

Я Сосновкина Мария Павловна
родилась в с. Карлово 1 августа 1924 года
в беднейшей крестьянской семье, в ветхой
избушке. Я была в семье шестым ребенком
двое из которых умерли от голода, и болезней, и
многого ухода, так как наша мама работала
она всегда была занята работой и я родилась если
бы в другое время то непременно на поле ту сушь
нам, так тогда был самый разгар жатвы. 1 августа
большой крестьянский праздник или день не работали
оцени крестьяне в Христовой церкви и сожгли
свистули дали мне Марии, крестная была ста
ршая сестра мать 13 лет, а крестный брат
Вася 10 лет. Назавтра праздника оставив меня
на попечение Васи все уехали в поле жать хлеб
за 15 км оставив крику молока для новорож-
денной, которую невестовожелаети Вася пропил
Я не буду описывать все подробности моего воспитания,
это ужасно. Весной 1925 моя родителли
вконец отчаялись в своей жизни так как

в Харловой от сибирской езды вымер почти весь
скот и погорели от засухи поля, и еще некто
уже никак не сможет жить на хуторе. Камыловка
в 9 км от Харловой в непроходимую тайгу где
стали вырубать лес и вспахивать новые земли.
В тепле, была ^{защита от холода} деревянная соха и така все бо-
рота вот и все наше богатство. Жизнь наша была
невесело трудной надо было на новых местах
страхаться и обрабатывать землю чтобы среди этих
согр и болот что-то по расти. Но мои роды
теми были очень трудолюбивые люди и они все
преодолеши все трудности, стали расти хлеб
стали разводить скот. Мой отец был мастер на
все руки. Он и плотник и столяр и умел
шить обувь и одежду. Период НЭПа люди
радовались. Стали с ними торговать все
сторонами. поставлять с/х орудия плуги, бороны
и все прочее а главное хорошие продукты
скот и семена всяких кормовых трав

то;
как вики, гусеницы, клещи и прочих насекомых
и трав. Мои родители к 1929 году развели
хороших лошадей и крупный скот туши борани
и на полях с братом и сестрой. Построили большой
дом, амбары конюшни и стали жить не хуже дру-
гих людей. Но в 1930 году нас все отобрали скот, хлеб и
все остальное. От нас сослали на север. В пути к нам
приехали сестра и брат. Брата и сестру отправа-
ли работать лес куда за Тигань. Борозовали у нас
коммуна "Тигань" со всех хуторов сослали народ в
домашнюю коммуналку и в каждой избе было по 2-3 семьи.
В конце 1931 было полное голодание. Не стало хлеба
и скотины. Все было растащено разбито
и брошено. Все куда то делалось на голод. Люди шли
по полям. Очень много появилось воров и нищих.
Страшное ужасное время. Не было ни одежды
ни еды. Отец у нас с севера привез дровишек. Боря
Зависел конюхом и его поставили председателем.
В 1933 году я пошла в школу в первый класс в
д. Чувашиной. Читали и писали и уже узнали

Подить в школу нужно было за 7 км дружными
массой переходить реки Ошновку и Бродок. Зимой
нас одолевали вьюги они заходили во дворы и приго-
ди. Когда мы шли в школу они были во все
сторонах. Но такого не разу не было чтобы они
нападали на людей. В Чувашиевскую школу собирались
ученики со всех деревень и хуторов. Первое мое
учительница Тарасовна Васильевна Волкова была мо-
лодая и активная комсомолка, в первый же день
учебы она сказала: „а нет ли среди вас кулаков
мы не потерим это! мы были страшно накузаны
этими потому что все были насаманна как среди
нога вгоняют людей из своих домов и уводят
неизвестно куда или расстреливают. Ужасное
время. Чтобы хоть как то прожить в школе у
нас было свое хозяйство. Держали корову коней
за ними ухаживали техника. Был большой огоро-
д мы сами садили картошку и осенью выкапывали
её. После уборки хлеба собирали на полях сто-
вшие корзины и когда мы работали нам

В школе варили картошку или кашу. Семья На
ша Нагала разделиться кто куда, дома мать было
возможно замурован на местовике. Сестра моё с
мозаготовок дома не вернулась осталась в Иркутске
пошла в присуды к брату Кондакову, а потом выш
на замуж. Брат Костя уехал уехать на сеговоца
в Тюмень потом ушел в армию, закончил институт
а затем военное училище. В войну воевал дрешен до
Берлина. Второй брат после армии пошел в железно-
дорожное училище и работни дежурными по станции
а после окончил Чувшевской школы пошел в Харло-
вскую семилетку в 5^й классе, легким работами в сво
ли колхозе на великих работах. Отец мой за эти
годы работами кладовщиком и пред. при артели и
приемщиком на молокобродяном пункте, и продавцом
сельно, и заготовителем, и приемщиком кожи и великих
шкур. Прежде дружелюбный деревенский народ, после
1930 года разделился как бы на два лагеря. По мо
ей пустяжной ссоре разорвалась страшная вражда
соседей донны на всегда. По любому донос

Без суда и следствия людей забирали увозили без права переезда отправляли на Колыму и от туда уже никто не возвращался. Даже у нас в Иркутске было отделение сев. Ураллага сюда везли из других городов особенно с южных областей. Быстро росли бараки в бусрах за городом. Это была зона спецпереселенцев. Особенно отличился 1937 год, первые выборы в Верховный совет кандидаты Казенцев и Шверкин в городе люди погугали паспорта. Но это были годы усиленных репрессий. У нас арестовали двоюродного брата Соколовых Алексея, тетку и дядюку они были старшие и неграмотные, просто потому что жили у нас дома вот и все. Оттуда ни кто не возвращался. Семья наша теперь состоит из трех человек. Родители мои были уже пожилые. Мать стала боленна когда мы жили всего хозяйства. Отец тоже стал сильно болеть у него был в голове осколок с германской бомбы 1914 года. Он раненой попал в плен и там в германии и др. странах ^{в германии и др. странах} находился в лагерях, а потом в 1919 ^{в германии} великим путем прибыл в Россию. В тридцатых

годах мы платили очень большие налоги. Мыши
мы отцы много. Одна колова все таки была по
мощка 300 метров надо здать государству бесплатно
пшеница тоже в доставку лица шерт если
есть отца. В школе ходит у многих школьников
было совсем не вещи ни одежды не обуви не было
в школе не учебников, не каких принадлежностей
не было. Пшеницу сами разводили на зерна с вели-
кими трудом доставали тетради. Были уже малит
ни из-за керосина было много. Все эти годы шли вой-
ны, но пока небольшие на дальнем востоке с японией. Нам
было мало это известно потому что во первых правду ни
кто не знал ни газет, не радио у нас не было, да и не-
уде было говорить про войну. Пропаганда войны, а это зна-
ет 58 статья тебе обеспечена, 1939 вдруг ни этого
ни с сего началась французская война. Тыши не забуду
не вооруженную армию просто не убой. Три итурные
Алексей Матерзеньна наши солдат ³⁰ в шельва было
убито и поименовано много тысяч, Отхватили ³⁰ неде-
лешкой киломок из тирагошки убрали во своем

кому и зачем это было нужно. Хлеб и продовольствие
в колхозах и кулхозниках отбирали вчетверо и все
везли за границу. Гитлер в то время уже имел
огромную армию во всей Европе, а кормить ее он
не мог. Взимал мы поугром Прибалтику, Приднестровье
и запад Украины и запад Белоруссии чтоб через полгода все
это отобрать обратно. Гейтлер и Риббентроп предлагали
заключить договор о ненападении, чтоб вероломно на
нас напасть через полгода. Верие или нет или Сталин
не знаю, но к большой войне мы им не были готовы.
и вот я закончила 7 классов. Наши ребята и девочки
многом мечтали поступить в ФЗУ, я тоже просилась
у своих родителей, но мне не отпустили. В колхозе
оставаться, работать даром, а земли ехать на лесостепь
е лошадей тоже ни зги хорошео. Котел не дали
декабристам, народ выжили путями победы из
колхозов. В Украине страшная безработица, люди по-
ехали дальше в Тасию и туда где заводы где еще
нужны были рабочие руки. Было очень трудно везде
серьезные очереди за хлебом и за продуктами.

Ничего не придумав я все же решила убраться и
поступила в мед. техникум. Сидела ждала. Но
надо было платить за первый семестр (обучение было
блатное) приготовить к занятиям белый халат и
тапочки. И я поехала в город почти без денег, не
зная на это я надеюсь. С великим трудом я
собрала деньги и отдала за первый семестр. Но
еще надо было еще и как то питаться. Тут вдруг
началась великая отечественная война. Фронт рас-
ширялся от Белого до черного моря. Муже сестры
тоже был в командировке война зрелища его в
деревне там он и был призван, и написал толь-
ко одну открытку с фронта. Она осталась с старей-
шей маленькими детьми. Я стала у них жить и
работала санитаркой в больнице. Получила продукто-
вую карточку. Учиться возможности не стало негде
надо платить за второй семестр. Родители мне не
помогали ни как, а стали помогать старшей сестре
и ее детям. В деревне стали эвакуироваться заводы
и там шло и мотоциклетный. Нужна была

работал сам. Проработав в течение года, перешел на мотоциклетный в 1942 г. меня поставили на фрезеровку в швейный цех. В январе 1943 г. я устроился в инструментальный цех на участок фрезерного инструмента. Конечно же стоило освоить работу шлифовщика, заточника и доводчика. Еще напишу о том, что в нашей стране в то время был ужасный беспредел. людей арестовывали просто по слову любого доносу или просто оговору. А может эти же доносили платили, не знаю. Вот конкретный пример: мой двоюродный брат Соколовский Дмитрий Георгиевич воевал на фронте, а в 1941 был призван на отечественную, три лучших друга перед отправкой собрались на квартире Соколовского чтобы отметить отъезд, посидели, один друг ушел. И тут же вместе с ними ушел прозвали обок забрали приемыш, фотографии, книги и все это ценное. А самого арестовали и обвинили в измене родине. Буквально на завтра был суд его судил трибунал и дали расстрел. Друг который

днее на Несе говорил это советский не хочет иду-
ти на фронт. Что на нас брат Вал Эвротта и
дело наше плохо. Я был на финской и многое видел
Второй друг отверел сколько его не допрашивали
говорили все одно и тоже я спал и ничего не см
шал. Хорошо то это у Дмитрия был в Москве брат,
который занимал высокий пост и написал Калинингу и
через 13 суток расстрел был заменен 10 годами лишения
свободы и 5 лет поражения в правах. А сейчас о себе,
Начало 1943 года я в инструментальном цехе. Коллек-
тив небольшим в основном москвичи, которых привели
с завода. Ждем пополнение. Начальник цеха Куценко-
Боген Моисей Самойлович родом из Киева, общительный
хороший человек. Он для нас, для молодежи, как ста-
рший брат или отец. Мои учителя по профессии
были хороший квалифицированный рабочий москвич Козаков
Владимир Дмитриевич, и я деревенская девушка,
стала обвивать дни инструментального дела.
Меня это очень заинтересовало и через 5 месяцев

я перешла работать самостоятельно. Работали мы
12 часов, с 8 до 8, но после смены часто оставались на
сверхурочную работу. Перед концом смены подходит
начальник и говорит: „Девчата, совсем не кого повести
на вырубку, металл пришел. Что делать? пойдете
и я с вами пойду. Война ведь! На работе пацаны
встанут, а фронт не встанет. Всегда
он внутреннюю линию нас старался подбодрить. „Тихо
то как шибду! Не видно же война эта будет ког
да то и ей придет конец.“ Вы еще молоды! Все хоро
шо будет! И женихи ваши придут с фронта. Летом
1943 к нам на завод привезли военнопленных. Мы их
называли „Зорь евроты“ тут малышей было мало, в основном
гитлеровцы, немцы, венгры даже французы и итальянцы. На
собрании нас строго предупреждали, ни каких разгово
ров, о событиях на фронтах и вообще ни о чем, а
любая связь с пленными изменя родины и 58 ст.
Горали со стальной радия, и карту со стены, где
отмечали расположение наших и их войск.
У входа в цех стоял солдат с автоматом.

мне напарником поставили Нелсу. Представился Эшпин
Кудце из Бермента. Осмотрел станок сказали ниже арбай
т! Зер шмехт. Дескаты отны плохо, работать нельзя
надо ремонтировать. Если ба.в сказала так, то мне
за саботаж 58. А Нелсу Вуэ это не знает, и стали
ремонттировать. Работа пошла, пенные башни хорошие
специальности. Подожима осам нас пошла на подсобное
копать картошку, пенные встались работать, кто Вуэже
кто на стройке. Все башни распределены по своим специ-
альностям. Но все же не смотрю ни на это с геклами
мне разговаривали, они хорошо понимали по русски, и
ли их тоже. Например: "идет зима это вы будете
тут дескаты когда мороз будет под 40°". О! нижео, фрю-
нер нас не оставит. Он придет и нас освободит.
А еще вопрос: "Вас силой звали в немецкую армию
идти против нас?" О нет! мы пришли добровольно
нас привлекала дивно, большая территория России
мы бы тут стали помещиками настроили всего
и это стало бы цивилизованное государство.
А как же ба вы поступили с летнаем нас-

менше т.е. в наши? Ну... трудоспособное население оставили бы, а остальных... есть такие машины душегубки... пока ведут, и там будто зер уже закатывает. Как хорошо и быстро. Трущиеся осли холодная суровая зима, и в своих шинельках стало холодно. А фронт в Арбит идти так и не собирался. Жили они в лагере для военных пленных Виссенном высокие заборы с вышками и колючей проволокой. С охраной с автоматиками. Внутри лагеря насквозь сделанные бочки. Находились лагерь недалеко от переезда на пустыре, и до теперешней улицы Горького и называлась в то время "военстрой". А цех наши тогда был на армянском, где сейчас автошкола. Зимой в большие морозы когда их попламерилим привели на окраина, они говорили, "Очень большой камп" а мы спрашивали где кого не было, "Фронт? Бить завой, стало камп". Так шло время вой на стала откатываться на запад. И немцы все подальше своего фронта. Они ничего не знали о положении на фронте. Они также не узнали что наши войска уже освобождают Европу. Но они стали прижиматься

нашими песнями. Мы ведь были все молодые, некоторые
девочки пели в свободное время, а остальные огуль-
ли русские песни. А песни все были военных лет, такие
как "Батальон наш стоял в Бухаресте" или "Нас уветали
встретили Софие" и др. Но когда стали петь солдатские
песни или не понравился такое слова: "Под пушечной бай
Берлин мы возили, тогда мы вернемся домой". Они
оскорблены плечуши и ушми. А фюрера все ждали...

Титлер полностью повторил ошибку Наполеона, хотя шел тем
путем по старой смоленской дороге. Титлером хотя все
время взял Москву, а Титлер и это не мог. Мне ка-
жется нам пошлому бездорожью, как говорится нет
пути без добра. Квашеная немецкая техника везла
в грязи, а упрямый мороз добивал их (в войну были
очень холодные зимы). Так прошли годы 1943 и 1944. Наступ
1945 и фюрера то все нет, затосковали немцы "Ну где
же он? Что же он забыл отом нас?" и вот май
1945 Ура! победа 9 мая мы бежали на работу радостные
по дороге даже незнакомые поздравляют друг друга с
победой, всеобщее ликование. В чужие мы так

уже портрет Сталина, и флаги на верстах. Тут
приготовят пленник. они внедоумили: Что это у вас?
Тазан, Сашка Анохин он 14 лет пришел работать на
завод, первый выкопал настрелу пленником и захри-
стал во все горло: Ура! герман капут! Титлер какой
войне капут. Русскому оружию слава! Ура! Тут и все
взрослые подтвердили что война закончилась полной
и безоговорочной капитуляцией Германии. Мы удивили
пленник обрадуется. Но их как флягом порозило
они загоревали, собрались в кружок и стали думать.
мы им стали говорить что вы теперь другой поведе-
те и все будет хорошо, но это их никто не обрадо-
вало, а наоборот они стали говорить теперь нам
капют. Всем дали выходной и нам и пленники.
После этого все пошло так же как и раньше, ни чего
не изменилось. Работали так же 12 часов выходящие
дали, если был выполнен месячный план. Только у
пленник смешалась охрана, не стало наших стрел-
ков. Охрана у них стала своя. Какие то люди
мы их звали "Коммиссари"

говорили это это немучие кожану кетти ходили
они при оружии, в черных кожаных куртках, в гра-
мовых сапогах. За все последующие года вплоть 1950-
многое писем не стало, зато прибавилось березо-
вых крестов на кладбище. К концу 1950 года кто еще
остался жив, куда то все увезли, не знаю, говорили
то на шахты, а может и на родину отпустили.
Как кончилась война, а она продолжалась еще долго
весь 1945г скачала с Эстонией, потом в Приднестровье
стало неспокойно в Польше и в Прибалтике, мои
работами на заводе весь 1945г по 12 часов. И только к
концу 1946г стали работать по заданию, если сделали
работу к 5 часам отпустил протуск. Но задание было такое
это не сделали и к 8 вечера. Мне стали ставить ухе-
ников девчонок и мальчишек, чтобы я обучила их своей
профессии. Потому что затискиков и доводчиков не
ушли ни в одном ФЗО. В конце 1946г предоставил место
к награде "За доблестный труд" Иосиф Самойлович
уехал в Киев. Насильником цеха у нас стал тоже
своей родни из Одессы, Затуренский Яков Лозаревич

принимая противоположность прежнему. Не видя на
лица, кто работал хорошо, кто плохо, он всех старшего
ружья и удерживал, "я вас всех отправлю на Колыму,
и никогда не увидите оттуда". Но этот злился не
долго нас мучил, скоро ушел не знаю куда. Наверно в
свою деревню он был уже старик. После этого за 33 года
моей трудовой деятельности в инструментальном
участке сменилось много начальников: Болонин, Шамуров, Клеп
Штрауфман и др. Я видела не один десяток уехавших
истарше наших работников по вине союза в разные
города на вахные заводы, где нужен режущий инстру-
мент. Отработав 3 месяца на вредности в 1974г в возрасте
50 лет я вышла на пенсию меня проводил наш уезд-
ник Н. П. поблагодарил и просил остаться еще
поработать. Начальник участка Шарифутдинов привел
женщину по фамилии Суворову и очень просил ме-
ня остаться еще поработать вывести эту жен-
щину. Но я сказала, "если бы годик раньше пришла
ты, а теперь нет, хотя и фамилия у тебя

Знаменитая нет же могу.. Ухожу.. меня дома
ждут внуки. Начальник отдела кадров Епанов
записал в трудовую книжку благодарность за безупре-
чный многолетний труд и 30 руб премию из кассы заво-
да. Вот и все мое рабочее биография. В ней нет
ни чего особенного. Такая как я в России миллионы